

© 2002 г. Н.Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

ГРАММАТИКА И ТЕОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА БИБЛЕЙСКОГО АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1. *Тип культуры: тип текстов и тип языка.* Тип культуры задает тип императивных текстов и тип литературного языка. Христианская культура была основана на Библии, т.е. на императивных текстах, возникших как результат человеческого опыта Бога, как результат общения Бога с людьми, способными свидетельствовать об истинности Слова Бога. Основным способом освоения императивных текстов был мнемонический способ, направленный на запоминание санкционированного культурным опытом книжно-языкового материала. Принципиальная мнемоничность определялась тем, что решение главной для верующих задачи созидания жизни по Слову Бога требовало прежде всего запоминания Слова Бога и тем самым приближения к его пониманию: “Первое правило в сем святом деле (изучении Писания. – Н.З.)... предварительно узнать сии книги (Ветхого и Нового Заветов. – Н.З.), если еще не разумением, по крайней мере, памятью – затвердив их через чтение...” [1. С. 76]. Дополнительным способом освоения императивных текстов, требующим эрудиции, являлся операциональный способ, основанный на рефлексии и предполагавший использование разных методов интерпретации – исторического, логического, аллегорического и филологического. Метод филологической интерпретации выявлял суть “христианизации” языка, приведшей к наложению на буквальные смыслы смыслов сакральных, что позволяло сопоставлять изреченное Слово Бога и сочиненное слово человека, пытавшегося рассмотреть свою повседневную жизнь в сакральном библейском контексте: “Потом надобно со всем тщанием и ревностью углубляться в познание того, о чем ясно говорят они (книги Ветхого и Нового Заветов. – Н.З.), правила ли то жизни, или правила веры... Наконец, ознакомившись сколько-нибудь теснее с самим языком Божественного Писания, должно приступить к открытию и рассмотрению того, что в нем темно, объясняя невразумительные выражения вразумительными, неизвестные мысли – известными” [1. С. 76]. Филологическая интерпретация, направленная на раскрытие, сохранение и трансляцию сакральных смыслов в неизменном виде, была зафиксирована в экзегетических грамматиках и словарях.

Сложным и важным материалом для филологического анализа являлись собственные личные имена, скрывавшие в себе “исходное” отношение Бога к людям, Божественный промысел, ибо “поименование” значило надделение судьбой, а “переименование” – изменение судьбы, особую духовную миссию (семантическая схема

Запольская Наталья Николаевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

“имя – благодатное имя”). Глубинность рефлексии над библейскими именами достигалась посредством реализации в словарях и грамматиках разных принципов структурирования антропонимического пространства и разных подходов к раскрытию сакральных смыслов. Словари давали перечни собственных имен, каждое из которых “толковалось”, т.е. характеризовалось с точки зрения происхождения и значения, что позволяло понять место носителя имени в библейской картине мира. Грамматики представляли именники как системы, мотивированные формально-семантическим потенциалом самих имен и функциями носителей имен в библейской картине мира. Смена конфессиональной культуры секулярной привела к потере библейскими именами исходной имманентности и к изменению характера “именной” рефлексии.

Будучи ценностным культурным ориентиром, собственные личные имена должны рассматриваться и в пространстве культуры (посредством анализа разных типов метатекстов, принадлежащих одному хронологическому срезу), и во времени культуры (посредством анализа одного типа метатекстов, движущегося во времени).

2. *Имя в пространстве культуры.* Примером филологической интерпретации имени в пространстве конфессиональной культуры может быть развернутая интерпретация имени **Іаковъ**, представленная в церковнославянских лингвистических сочинениях XVI в.

Так, азбуковник (*Книга глѣма алфавѣтъ содержѣща в себѣ токовѣние неудо^в разумеваемы^х речен, иже обрѣтаются во стѣхъ книгѣхъ словенскаго азѣка, иностранными глѣми положены*), представлял имя **Іаковъ** в перечне имен дважды – как самостоятельное имя и как компонент семантической схемы **Іаковъ – израиль**:

– “Іако^в токъветса естѣ или ѿрокъ бжїи, илн послѣнїи^н”

(*приведенные значения были мотивированы как “научной”, так и “народной” этимологией, представленной в Ветхом Завете: “И по семъ ѡзыде братъ его рѣка же его придержаса плѣтъ ѡсаковѣ, и нарече ѡма ‘емѣ ‘іаковъ” Быт. 25:26, “по правдѣ прозва ѡма ‘емѣ ‘іаковъ, прельсти во ма.се вторїцею” Быт. 27:26 [2]);

– “израиль, Іаковъ, сѣтъ исааковъ, внѣкъ авраамль. во^вращаѣса ѿ лавана, теста своего, и, прише^а на бро^а канѣфовъ, преведе все свое, и вораше с ним до Ѹтра, и рече емѣ: пѣсти ма, рече же емѣ ѡковъ: не пѣщѣ, аще не блѣвнши ма, и рече емѣ аггѣль: что ти е^ть нма? о^н же рече: іаковъ, рече^ж емѣ: ѿселе не прозоветса нма твое ѡковъ, но бѣде^т нма твое израиль. И ѿтоле ако^в нача^т нарицати^с израиль, того ради вси, рожѣшensa ѿ колѣна его, израилтане наричѣ^тса, то^кѣе^т же са израиль зри бѣа Ѹмъ илн видѣнне бжїе, евренски во израї, а по рѣски видан, по евренски нль, о по словенски бѣ” [3. С. 201, 195–196].

Представленное толкование имени **Іаковъ** и введение имени в семантическую схему **Іаковъ – Израиль** позволяло связывать это имя только с одним из его носителей – патриархом, праотцом израильтян, демонстрируя тем самым его “базовую” позицию в библейской картине мира (ср.: **Іаковъ** – патриарх // **Іаковъ** – сын Иосифа и Марии, брат Иисуса, **Іаковъ** – сын Заведея и брат евангелиста Иоанна, **Іаковъ** – сын Алфея, **Іаковъ** – отец апостола Иуды).

Библейское антропонимическое пространство грамматики (“Грамматїка Словенска” Л. Зизания, 1596 г.), организованное как формально-семантическая и функциональная системы, также представляло обладавшее высоким ценностным статусом имя **Іаковъ**. Формально-семантическая система, включавшая имена **Авраамъ**, **Ісаакъ**, **Іаковъ**, **Іванъ** демонстрировала морфологическую модель имен существительных с основой на *т*, обладающих стандартным набором флексии: “Сїа именѣ приноситса долѣни сѣтъ въ пѣрвое склоненїе. Авраамъ, Ісаакъ, Іаковъ... Іванъ” [4. Л. Кз об.].

Функциональная система, явленная для презентации собственных имен как особого именного разряда, включала четыре имени **Іаковъ. Іліа. Анна. Маріа**; Чтѡ ѣсть **імѧ собствѣнное, ѣже 'единной тоѡкмѡ вѣщи слѣчаеѣтса. ѣко, Іаковъ. Іліа. Анна. Маріа.**" [4, К].

Данные имена, рассматриваемые как система, могли представлять разработанные в средневековой типологические схемы, актуализировавшие связь Ветхого и Нового Заветов, т.е. идею "прообразования", идеально-смыслового предвосхищения более поздних событий в более ранних:

Іаковъ – Іліа (* возможно единение по функции "вознесение", разработанной в "Зеркале спасения": вознесение Христа – сон Иакова о небесной лестнице – Христос, как добрый пастырь, несет заблудшую овцу на небо – вознесение (восхищение) Или; данное "соположение" имен в грамматике являлось инструментом напоминания-интерпретации "духовно соположенных" библейских текстов: "(Іаковъ) видѣ сѡнъ. Іѣ се лѣствица оутѣрждана на землі, 'емъ конѣ" досазаше до небѣ, ѣ агглі вѣіи вѣсхождахъ, ѣ нисхождахъ, по нѣи, гѣ же оутѣрждашеса на нѣи..." Быт. 28:12–13, "(Іліа) ѣ се колесница ѡгненаѧ ѣ кони ѡгненіи... ѣ взѧтъ вѣсть іліа вѣхромъ іаѡ на нѣо..." 4 Цар. 2:11, "(Христосъ) ѣ вѣсть 'егда вѣвѡше іхъ, ѡстѣпи ѡ нѣхъ, ѣ вѣзношашеса на нѣо..." Лк. 24:51 [2]).

Анна – Маріа (* возможно единение по функции "величания": "псалом хваления" Анны, матери пророка и судьи Самуила, возблагодарившей Бога за рождение сына, явился прообразом "гимна величания" Марии, матери Иисуса; данное "соположение" имен в грамматике также могло являться инструментом напоминания-интерпретации "духовно соположенных" библейских текстов: **Анна – "Оутѣрдіса срѧце моѣ ѡ гѣ..."** 1 Цар. 2: 1–10, **Маріа – "Велічитъ дша моѧ гѧ..."** Лк. 1: 46–55 [2]).

Таким образом, явленная в словаре и грамматике филологическая интерпретация имени **Іаковъ** позволяла понять происхождение имени, буквальное и сакральное значение имени, грамматический потенциал имени, а также место и функции основного носителя данного имени в библейской картине мира.

3. *Имя во времени культуры.* Примером семантически значимого "движения" имени во времени культуры может быть "движение" имени Петр, включенного в антропонимическое пространство как церковнославянских, так и русских грамматик, фиксировавших ценностные установки конфессиональной и секулярной культуры.

Рефлексия над именем **Петръ** в грамматиках, порожденных в конфессиональной культуре, была направлена на раскрытие имени посредством раскрытия функции носителя имени в библейской картине мира. Так, библейское антропонимическое пространство грамматического трактата "**Ѡ ѡсмѣхъ чѧстѣхъ слова**", языковой материал которого был во многом мотивирован богословскими сочинениями Иоанна Дамаскина [5. S. 19–42], формировали три имени, представленные в маркированном "предикатном окружении" – "**Петръ оучаше, Павелъ посылаше, Матѣѣи вѣвѣствоваше**" [6]. Данные имена, рассматриваемые как система, могли актуализировать идею функционального различия апостольских миссий:

Петръ оучаше (*благодатная сила нового имени Симон > Петр (Кифа) определила наивысшую миссию Петра: "собираение" Церкви и передача истинного правила веры, т.е. обретение права юрисдикции и вынесения учительных решений – Мф. 16: 18–19);

Павелъ посылаше (* данный Богом "завет", побудивший Савла принять имя Павел, определил его особую миссию: будучи призван в апокалиптическом видении Воскресшего Христа, Павел обладал особым разумением тайны Христа, которую он был призван передавать язычникам посредством посланий – Гал. 1:16; Кор. 9:1, 15:1);

Матѣѣи вѣвѣствоваше (* особое призвание Матфея, "переименованного" из Левия, определялось тем, что, сопутствуя Иисусу, он делал записи изречений Иисуса, что

позволило ему стать автором первого из четырех канонических евангелий, написанного в Палестине на арамейском языке, а затем переведенного на греческий язык)

Обширное библейское антропонимическое пространство грамматики М Смотрицкого 1619 г (“Грамматіки Славенскія правннѡе Сунтагма”) было маркировано двумя именами – **Петръ** и **Анна**, явленными для презентации собственных имен как особого именного разряда “Собственное имя естъ / еже собственныя и известныя бещи знаменуетъ, ѡкв, Петръ/Анна ” [7 Л К об]

Посредством функционального “соположения” этих имен могла актуализироваться идея прославления Христа в духовном и реальном времени

Петръ – Анна (*апостол Петр объявил мессианское прославление Воскресшего Христа и возвестил дар Духа Святого – Деян 2 14–36, пророчица Анна славилась в Иерусалимском храме Христа-младенца и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления – Лк 2 38)

Смена конфессиональной культуры секулярной мотивировала изменение типа императивных текстов и типа литературного языка, а также характера рефлексии над текстом и языком “Секуляризация” операционального способа освоения книжно-языкового материала привела к смене экзегетических грамматик нормативными. В нормативных грамматических руководствах библейское антропонимическое пространство переосмыслялось в историческое антропонимическое пространство, т е имена библейских персонажей стали задаваться как имена исторических лиц. Так, антропонимическое пространство “Российской грамматики” А Барсова 1786 г, представлявшей собой наиболее полное описание русского литературного языка XVIII в, определяли имена Анна и Петр, поставленные рядом с именами Иван и Карл, посредством чего актуализировалась идея государственной власти

“Собственныя имена суть тѣ кои означаютъ одно лице, или одну вещь, для различения оной отъ всѣхъ тогожъ рода вещей на пр Иванъ, Анна, Петръ, Карлъ ” [8 С 94]

Дальнейшая демократизация общества и упрощение культурно-ценностных ориентиров мотивировали снижение аксиологии имен, что проявилось в замене исторического антропонимического пространства бытовым. Так, антропонимическое пространство академической “Русской грамматики” 1980 г включает имя Петр уже в бытовом оформлении “Петя, Ваня, Гриша, Коля – имена собственные, присваиваемые мужчинам, мальчикам” [9 С 460])

Таким образом, зафиксированные грамматиками изменения ценностного статуса собственных личных имен свидетельствуют об изменении типа и характера культуры, об изменении “культура разумения слова” [10 С 380]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Августин* Христианская наука, или Основания святой герменевтики и церковного красноречия Киев, 1835
- 2 *Острожская Библия* 1581 Переиздано М-Л, 1988
- 3 *Ковтун Л С* Азбуковники XVI–XVII вв, Л, 1989
- 4 [*Зизаний Л*] *Грамматика Славенска. Вилно*, 1596 Переиздано Киев, 1980
- 5 *Кеппел Н* Grammatik und Theologie // Zeitschrift für slavische philologie 1999 Bd 58 Н 1
- 6 *Ягич И В* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку СПб, 1885–1895
- 7 *Мелетин Смотрицкий. Грамматіки Славенскія правннѡе Сунтагма. Свю*, 1619 Переиздано Киев, 1979
- 8 *Барсов А А* Российская грамматика М, 1981
- 9 *Русская грамматика* М, 1980
- 10 *Шпет Г Г* Эстетические фрагменты // Сочинения М, 1989